Конфликт между Дэниелом и Серджио накалил обсуждения на форумах сообщества.

Объект жалобы Серджио, в котором утверждался якобы неправомерный обгон, был быстро отклонён. Однако очевидный итог решения уже никого не интересовал. Общественное внимание было полностью приковано к столкновению двух пилотов, а кроме того — к самому Серджио, который позволил себе расистские высказывания. Заявление, опубликованное всего через семь часов после инцидента, ясно показывало, насколько серьёзно команда Ferrari подошла к ситуации.

Это было настолько изматывающе, что он с трудом сохранял ясность мыслей под шквалом запросов на интервью, продолжавшихся до следующего дня. Как только завершилось интервью о впечатлениях от победы, вопросы о потасовке в штаб-квартире обрушились, как ливень. Дэниел отвечал максимально сдержанно, но даже этого оказалось достаточно, чтобы превратиться в новостной материал.

Страна джентльменов не простила вульгарного инцидента, произошедшего на её собственном Гран-при. Более того, значительная часть газет, освещавших ситуацию, была связана с деньгами Walker Group, и статьи о Серджио начали прорастать на их страницах, словно плоды на ветвях.

Однако Дэниел понимал, что в конечном счёте всё это продлится лишь один сезон. Это был сезон, когда все были одержимы слухами перед трансферным рынком. И это тоже пройдёт.

— Фотография Серджио получилась удачной.

Тем не менее, избежать «ливня», который сейчас обрушился прямо перед ним, он не мог.

Слухи об отстранении Серджио, его агрессивный стиль вождения, тянущийся ещё со времён Формулы-2, и отраслевая практика — судебные иски и взаимные обвинения, подогревающие грязные войны, — всё это критические статьи, одновременно прорвавшиеся наружу, как лава, нашедшая выход.

На следующее утро, когда они встретились, Алек, как главный инициатор всей эскалации, выглядел довольным. Он явно наслаждался тем, что лицо Серджио в газетах выглядело не менее злодейским, чем у капитана Крюка.

Положив газету, он передал её Дэниелу, и тот пробежался по тексту взглядом. Он уже видел официальное заявление, но теперь оно выглядело иначе — почти чужим.

— Это не совсем то, на что я рассчитывал… но если так продолжится, похоже, Ferrari сменит первого пилота.

— На чём основан такой вывод?

— На интуиции.

— Я вижу по твоим глазам, что ты просто лениво отмахиваешься, потому что тебе лень, Дэниел.

— Это потому, что ты внезапно разбудил меня и притащил завтракать.

Это он сам выдернул его из глубокого сна и привёл в ресторан. Хотя Дэниел уже проснулся, усталость всё ещё давала о себе знать, поэтому он ворчал, но Алек оставался невозмутим.

— Тебе нужно нормально есть, особенно когда ты уставший.

Алек сказал это и подвинул к нему тарелку с бранчем. Он был слишком настойчив. Но раз уж он оказался в ресторане, ничего не оставалось. Дэниел со вздохом поднёс к губам вилку со скрэмблом.

— Ты в порядке?

— Хотел бы сказать «да»… но нет. Ментальная усталость уже начала сказываться и на теле.

— Тогда как насчёт отдыха сегодня? Нет необходимости заставлять себя улетать сегодня же.

Понимая, что он прав, Дэниел без сопротивления кивнул. Он всё равно уезжал из страны сегодня или завтра. Никто не стал бы торопить победителя, оказавшегося в центре скандала, с ещё одним днём полного отдыха.

Когда он действительно начал есть, еда пошла легко. Голова прояснилась только после кусочка хлеба с несолёным маслом и чашки фильтр-кофе. Дэниел быстро закончил завтрак, не замечая, как на него смотрит человек напротив.

Чувствуя себя заметно лучше, он попросил официанта принести ещё кофе.

— Вчера я был настолько не в себе, что даже нормально говорить не мог… Спасибо за помощь. Но всё не обязательно было доводить до такого масштаба. Что ты сделал?

— Я просто подбросил несколько поленьев в огонь.

На губах Алека появилась безупречная улыбка — ровная, как отглаженная ткань.

— Остальное разгорелось само. Это было несложно, учитывая его дурную репутацию в индустрии.

— …И всё же странно, что Ferrari так быстро выпустила заявление.

— С пилотом, который испортил репутацию бренда, им нет смысла медлить. Лучше действовать на опережение.

— Звучит так, будто ты говоришь по личному опыту.

— Так и есть. По личному опыту.

Дэниел с любопытством посмотрел на Алека, который бросил газету в мусорную корзину так, будто выбрасывал не вещь, а ненужный интерес.

Он не выглядел человеком, который склонен создавать проблемы, поэтому было непонятно, через что ему пришлось пройти, чтобы так спокойно относиться к подобному.

— В любом случае, генеральный директор тоже понимает, чего стоит удерживать Серджио в такой ситуации. Нет смысла тянуть на себе пилота, который подставил бренд.

— Согласен. Но у меня немного другое мнение. Серджио уберут за то, что он повредил нечто

более важное.

— Нечто более важное?

— Дэниел, ты знаешь, почему машины красят в красный цвет?

Дэниел погладил тёплую чашку с кофе. Как и ожидалось, ответа не последовало.

— Потому что машины Ferrari — красные. В этой индустрии команда — не просто гоночный коллектив. У неё гораздо больше влияния, чем ты ощущаешь, и это команда с огромной гордостью.

— …

— Зарплата пилота Ferrari — четыре миллиона долларов. Найдётся немало гонщиков, которые готовы ездить бесплатно, лишь бы их посадили в болид, но они платят такие деньги. Это цена гордости. Это доказательство того, что пилоты их машин обладают статусом и ценностью. Серджио эту гордость разрушил. Он точно не удержится в своём кресле.

И всё? Он, скорее всего, уже никогда не сможет вернуться в Формулу-1. Команда, которая раньше с трудом прикрывала его грязные манёвры и агрессивное вождение, отвернулась от него. В итоге его ждало либо позорное завершение карьеры, не соответствующее тому, что он строил годами, либо унизительный уход.

Если честно, Дэниел не думал, что сможет довести Серджио до такого. Он считал, что победил в тот момент, когда вспыльчивый пилот начал сыпать грубой бранью. Учитывая содержание разговора, запись всё равно нельзя было бы просто так обнародовать. Но этого было достаточно как рычага давления, чтобы тот больше никогда не смог использовать тему перехода для шантажа. Этого должно было хватить — но он не ожидал, что всё разрастётся так стремительно.

В этот момент глаза Алека, который всё это время молча слушал Дэниела, мягко изогнулись.

— Иными словами, это шанс. Если Серджио действительно снимут в середине сезона, у нашей команды может появиться возможность побороться за Кубок конструкторов… Почему ты улыбаешься?

— Дэниел, ты по-настоящему любишь этот спорт.

— Что?

— Ты говорил, что начал им заниматься не по своей воле, что ненавидишь жизнь «сына чемпиона», что хочешь превзойти своего отца… но похоже, что ты на самом деле любишь Формулу-1. По тому, как ты говоришь, это чувствуется.

— …

На мгновение он посмотрел на собеседника, не понимая, к чему тот клонит. Дэниел замолчал под давлением этих проницательных слов.

Спустя некоторое время он всё же кивнул.

— …Да. Это факт, который трудно отрицать.

Даже если его брату приходится проигрывать, у него всё равно остаётся это; он зашёл слишком далеко, чтобы просто отступить; и это гонки, которые он любит, потому что они приносят удовольствие. От этой мысли у Дэниела часто болезненно сжималось сердце.

По привычке он вспомнил Джошуа, и внутри стало тяжелее.

— Но иногда эта привязанность кажется мне чрезмерной. Я понял это особенно на этом Гран-при. У тебя вообще нет личной жизни.

— Что?

И именно в этот момент сказанное между делом попало в цель.

— Я окончательно убедился, наблюдая, как ты постоянно перемещаешься только между трассой и отелем — это уже почти нездорово. Это перебор. У тебя вообще остаётся место в голове хоть для чего-то ещё?

— Мы на европейском туре. И даже сейчас, вот так…

— Если ты считаешь приём пищи личной жизнью, то у Дэниела очень странные стандарты. Очень странные.

— С чего вдруг такой тон?

— Я тебя не отчитываю. Я просто констатирую факты.

— И при этом тебе, похоже, очень нравится их перечислять. Что происходит? К чему ты ведёшь?

Похоже, он говорил это не просто чтобы задеть его.

Дэниел спокойно посмотрел на непроницаемое лицо Алека. Мужчина, машинально взглянувший на часы, выглядел так, будто специально ждал именно этого момента.

— Дэниел. Ты помнишь, я говорил, что хочу кое-что обсудить после гонки?

— …Помню. В тот день, когда ты подвёз меня на трассу. И что ты хотел сказать?

— Что ты делаешь летом?

— Что?

Дэниел переспросил таким тоном, что даже ему самому вопрос показался глупым.

И тогда собеседник повторил мягко и чётко:

— У тебя есть планы на летние каникулы?

— …

Он спрашивал явно не просто о свободном времени. И если так, то нетрудно было догадаться, к чему всё идёт.

С каких пор это началось? Когда этот взгляд, который раньше заставлял собеседника

сжиматься, как черепаха, начал смягчаться, словно взбитые сливки?

Человек, который ненавидел тратить время и уверенно заявлял, что упущенная выгода — важный критерий оценки, остался в Англии даже после окончания гонки и теперь стоял перед ним. И сейчас он спокойно и чётко продолжал говорить так, что его невозможно было понять превратно.

— Если у тебя нет планов, как насчёт того, чтобы провести это лето вместе?

— ...С вами, директор?

— Я спрашиваю не как директор и пилот. Я спрашиваю, есть ли у тебя желание провести летние каникулы вместе как Алек Уокер и Дэниел Линдберг.

Это был, пожалуй, самый смущающий вопрос, который Дэниел когда-либо слышал. Его лицо покраснело совершенно непроизвольно.

— Что... говорить такое за завтраком, нет, вот так... У нас ещё три Гран-при впереди...

— Я знал, что если спрошу в любое время, это помешает твоим гонкам, поэтому сдерживался. Я дождался окончания Гран-при, потому что думал: ты разозлишься и решишь, что я опять тебя отвлекаю. Но, похоже, подходящий момент не наступит, если просто ждать. А это не в моей природе.

— ...

— И самое главное — похоже, я действительно какое-то время не смогу приезжать на гонки.

Тон Алека был спокойным, но эти слова мгновенно заставили Дэниела насторожиться.

Если он говорит правду, то после оставшихся Гран-при и летнего перерыва он не увидит Алека как минимум два месяца. Они расстанутся в начале лета, а следующая встреча возможна только осенью, а может быть — и вовсе зимой.

Он был занят, и в этом не было ничего удивительного. Наоборот, странно, что он так внезапно появлялся на гонках до этого момента, но всё равно это вызывало странное чувство разочарования.

Это было досадно. Он сам удивился тому, что это чувство возникло ещё до каких-либо расчётов или анализа. Впервые за долгое время Дэниел столкнулся со своими настоящими эмоциями.

— Мы оба интересуемся друг другом, но при этом почти ничего друг о друге не знаем, верно? Поэтому давай заключим временное перемирие и узнаем друг друга лучше.

— Перемирие?

— Я предлагаю отбросить гордость и быть честными. Хотя бы на время летних каникул.

— ...И заодно мне стоит освободить место в голове, да? Отложив на время мою любимую Формулу-1?

— Мне нравится, что ты быстро схватываешь суть.

http://bllate.org/book/17841/1739242